

оказать помощь Турціи. Это—жертва съ его стороны, жертва русскими историческими традиціями, жертва религіозными интересами. Онъ обѣщалъ помочь и сдержитъ слово. Но онъ не властенъ вдохнуть въ покойника новую жизнь, а турецкое государство мертво. Россія, продолжалъ царь, отказалась отъ цѣлей, которыя она ставила себѣ при Екатеринѣ (Меттернихъ подчеркнул это мѣсто въ депешѣ Фикельмона); если Турція развалится, онъ, Императоръ, не пожелаетъ ничего изъ ея обломковъ; но все таки—если это сбудется,—что предпринять тогда? И Николай пріоткрываетъ Фикельмону свсю загадочную мечту: турецкая имперія заняла мѣсто греческой, благодаря завоеванію: если теперь она падетъ по собственной винѣ, почему бы не попробовать возстановить греческую Имперію?¹⁾ „Греческій проект“, такимъ образомъ, какъ оказывается, вовсе еще не похороненъ. „Великая идея“ находитъ себѣ сочувствіе въ душѣ русскаго царя. Конечно, въ ея русскомъ вариантѣ: возстановленный Второй Римъ подъ покровительствомъ Третьяго. Къ „эллинскому“ элементу „великой идеи“ Николай, естественно, совершенно равнодушенъ. Въ концѣ концовъ замѣнить турецкую имперію греческой, т. е. православной, внушаетъ Царь турецкому послу, можно проще всего, если за это возьмется—самъ повелитель православныхъ: почему бы ему не переимѣнить вѣру? Въ интимной бесѣдѣ съ Муравьевымъ передъ его отправкой на Востокъ, Николай поручаетъ ему позондировать на этотъ счетъ почву въ Константинополь.²⁾ Такое же порученіе, повидимому, было возложено царемъ и на смѣниваго Муравьева графа Орлова.³⁾ Но Царь вовсе не настаивалъ на „греческомъ“ вариантѣ. Онъ не отвергъ всецѣло и другого—раздѣла Турціи, созданія на развалинахъ Имперіи Османовъ ряда мелкихъ государствъ. Фикельмонъ доносилъ своему двору, что въ Россіи мечтаютъ объ использованіи побѣдъ Паскевича и о продвиженіи въ сторону Персидскаго залива⁴⁾. Австрія ко всѣмъ этимъ планамъ относилась съ холодной недовѣрчивостію, давала вслечь себя въ обсужденіе ихъ нехотя и упираясь. А между тѣмъ, прибывши на мѣсто, Муравьевъ могъ убѣдиться, насколько здѣсь сложилась обстановка, нежели это представляли себѣ въ Петербургѣ, и взвѣсить все значеніе французскихъ интригъ въ Александріи и

1) Ernst Meiden, Die Orientpolitik Metternichs, 1913 (по документамъ вѣнскаго архива), 85—88. Ф. Татищевъ, 388 сл.

2) Муравьевъ, н. соч. 11—13.

3) Муравьевъ, IV, 212.

4) Meiden, н. соч. 83—91.